

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА

«ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»

ИЗ РУКОПИСЕЙ ДВЕНАДЦАТОЙ ГЛАВЫ (1890)

Предисловие М. Н. Зозули

Статья и публикация Н. В. Горбачева

Публикуемые первоначальные наброски, относящиеся к XII главе трактата «Царство божие внутри вас», представляют значительный интерес для исследователей позднего Толстого.

Черновые варианты толстовского трактата интересны фактическим материалом и отношением Толстого к русской действительности 90-х годов, в чем проявились и великая сила его «разума», особенно в разоблачении гнета господствующих классов над народными массами, и «предрассудки» в определении целей и смысла жизни.

Варианты, не вошедшие в окончательный текст трактата, содержат порой острые политические оценки явлений действительности. Вникая в причины конфликта крестьян с помещиком Бобринским, вызвавшим карательную экспедицию, Толстой писал, что у крестьян «у многих, как Бобринских, нищенский надел, т. е. есть только $\frac{1}{10}$ того, что нужно, чтобы кормиться, остальное у помещика<...> Они все нищие и третий год мрут от голода» (вар. 1). Толстой до глубины души возмущен отношением помещика к народу. Ведь это же «тот самый народ, на котором зиждется вся сила русского государства», — с негодованием замечает писатель.

Толстой не мог указать народным массам истинных путей выхода из трагического положения, но он верно указал на виновников бедственного положения народа — царя, правительство, губернаторов, помещиков, капиталистов и всю государственную машину самодержавия. Толстой понимает, что господствующие классы иначе и не могли поступать, ибо «все эти люди потеряют все те выгоды, которые связаны с этим». Указав на виновников народных бедствий, Толстой с наивностью патриархального крестьянина и проповедника всеобщей любви внушает читателю, что «цель нашей жизни есть исполнение дела божия<...> Поймите, что жизнь ваша принадлежит не вам, не семье, не государству, а тому, кто послал вас сюда. Дело вашей жизни есть исполнение его воли». Эти рецепты «спасения человечества» от социального зла наивны и утопичны в жестокой действительности дореволюционной России, мастерски раскрываемой Толстым во многих характерных деталях. Так, в варианте № 2 писатель решительно опровергает свою догматическую проповедь всеобщей любви и покорности, когда контрастно противопоставляет судьбы богатей и судьбы голодающих крестьян: «Живет семейство богатое (помещичье или капиталиста или купца или чиновника) где бы то ни было в России, в Англии, в Америке. Живет это семейство богатое, т. е. так, что оно поглощает труды сотен, тысяч, миллионов рабочих, живущих так, что они не могут пользоваться произведениями своего труда, а отдают его этим богатым семействам». Аналогична и судьба крестьян: «...крестьяне принуждены добывать деньги и для того закабальются в работу к помещикам и заводчикам» (вар. 4).

В варианте № 4 дается убедительная оценка классового содержания реакционной политики царского правительства: «Правительство со своей стороны, поддерживая стачку помещиков и препятствуя всеми силами просвещению народа, запрещая школы и книги и общение с людьми, могущими просветить его», — истязает голодных крестьян, оказывающих неповиновение властям и помещикам.

В военных карательных экспедициях «богачей Бобринских» против беззащитных крестьян Толстой видит яркое проявление общественного строя, господствовавшего в России и во всем мире: «Разве не то же самое, не переставая, совершается — и все чаще и чаще — во всей Европе и в Америке» (вар. 5).

Гнет и насилие правящих классов совершаются над народом во имя денег, богатства, роскоши, в своекорыстных целях: «Каждая ложка в театре, каждая бутылка шампанского, каждая роскошная книга, — это столько-то розог, столько-то дней тюрьмы, столько-то крови, столько-то стонов и слез» (вар. 10).

Но господство собственников становится все более шатким, народные массы встают против помещиков и капиталистов, — это для Толстого бесспорная истина. Вот почему, объясняет Толстой, все чаще правительство посылает военные карательные экспедиции против голодающих крестьян, поднимающихся против помещиков. Эти экспедиции и посылаются для утверждения колеблющегося «священного права собственности» (вар. 10).

Нарастающая волна народного гнева, охватившая Россию в период подготовки первой русской революции, обострила до предела социальные противоречия, вызвала выступления масс и кровавые расправы царских властей. Говоря о солдатах, посылаемых сечь и расстреливать голодных стариков, женщин и детей, Толстой ссылается на самые злободневные факты: «Все они <солдаты> знают, что им придется делать то, что на днях было в Саратове, в Астрахани, на Юзовском заводе <...> в Орле» (вар. 14).

Порой в этих не публиковавшихся ранее черновых вариантах автор трактата конкретнее и политически острее высказывается по злободневным политическим вопросам современности, чем в беловом тексте. Его отдельные наблюдения, замечания, оценки вырастают в глубокие обобщения живой действительности. Наиболее выразителен в этом отношении вариант № 15, в котором раскрывается лживая механика буржуазного строя, его философия и мораль: «... люди нашего времени: землевладельцы, купцы, заводчики, банкиры, цари, архиереи, генералы, офицеры, министры, судьи, всей своей жизнью отрицая всякую справедливость, всякое добро и всеми поступками своими проповедуя несправедливость, неравенство, угнетение, братоненавистничество и высказывая полное презрение ко всем законам божеским и человеческим, спокойным, уверенным тоном проповедуют справедливость, гуманность, христианство, братолюбие, милосердие, любовь». Толстой утверждает, что «весь мир полон стонами угнетенных и разъяснениями причин этого угнетения и указаниями необходимости изменить положение вещей».

Толстой — обличитель капитализма и господствующих классов — в этих фрагментах мастерски обнажает природу общественных отношений и вопреки своей проповеди всепрощения и «всеобщей любви» логикой фактов подводит читателя к выводам о неизбежности краха существующего «порядка вещей».

* * *

Ленинская концепция философии творчества Толстого предполагает диалектическое единство Толстого-мыслителя и художника, публициста и проповедника. В этом сложном единстве исследователь находит и ведущие прогрессивные тенденции, отражающие процессы общественного развития, и мертвую религиозно-этическую догматику и схоластику «вечных истин», тормозящие развитие общества. В свете ленинской концепции и возможно плодотворное исследование публицистики Толстого в целом, и, в частности, трактата «Царство божие внутри вас». В публикуемых черновых набросках XII главы трактата проявились многие стороны сложного единства толстовского мировоззрения и творчества. На первый план выдвинуты обличения классового характера государства и общественного строя при капитализме, тревога и волнение за судьбы русского народа. Именно эта тенденция и создает пафос трактата, лейтмотив публикуемых документов. В них объективно отразилось нарастание в стране сил крестьянской революции, что составляло основное реальное историческое содержание действительности. Но в вариантах трактата нашло отражение и религиозно-эти-

ческое учение Толстого, отрицавшее революционную активность народных масс, утверждавшее общественную пассивность, «всеобщую любовь», смирение и личное самоусовершенствование. Эта реакционная тема трактата тонет в могучем пафосе толстовского протеста «против всякого классового господства» (Ленин), но она тоже отражала реальные слабости крестьянского движения в период подготовки первой русской революции.

М. Зозуля

РАБОТА НАД КНИГОЙ «ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»

1

В 1890—1893 гг. Толстой написал трактат «Царство божие внутри вас». Первоначально им было задумано лишь небольшое предисловие к брошюре американского общественного деятеля Адина Баллу «Катехизис непротивления». Но в процессе работы, увлекшей Толстого, предисловие расширилось, углублялось и к концу работы превратилось в обширное сочинение, в котором отразились многие события общественно-политической жизни того времени, в том числе рабочие стачки, крестьянские восстания и жестокое подавление их.

8 июля 1890 г. Толстой отметил в дневнике: «Написал предисловие к катехизису Баллу» (т. 51, с. 60). В действительности, он написал тогда это сочинение лишь начерно, в наброске. Об этом свидетельствует его рукопись «Предисловия» к «Катехизису» Баллу и к «Декларации чувств» Вильяма Гаррисона, известного борца за отмену рабства в Америке и вместе с тем одного из первых проповедников философии «непротивления злу злом» (Толстой в своих черновых текстах называет Гаррисона «знаменитым американцем» или «одним из величайших людей не только Америки, но и всего мира»). Одновременно у Толстого родилась мысль написать и «Заключение» к названным сочинениям, а во время работы над «Предисловием» и «Заключением» у него возник замысел большого произведения: «Да, хорошо бы выразить учение жизни Христа, как я его понимаю теперь», — записывает он в дневнике 26 октября 1890 г. — т. 51, с. 98. 16 ноября 1890 г. Толстой написал отрывок под заглавием «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности», превратившийся в дальнейшей работе в трактат «Царство божие внутри вас». Написав этот отрывок, Толстой таким образом стал осуществлять свой замысел большого произведения, включившего в себя неоконченные «Предисловие» и «Заключение» к «Катехизису» Адина Баллу и «Декларации» Вильяма Гаррисона. Авторское название главы — «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности» — это первоначальное название трактата.

Работа над трактатом продолжалась и в 1891 г. Из дневниковой записи от 25 января узнаем: «Все это время писал понемногу свою статью. Подвинулся. 6 глав, могу сказать, кончены» (т. 52, с. 5). Эту запись, конечно, не следует понимать так, что первые шесть глав трактата были окончательно подготовлены к печати. Судя по черновым рукописям, они подвергались большой переработке, к ним писались многочисленные дополнения, производились перестановки текста, одни главы соединялись, другие неоднократно перемещались.

22 мая 1891 г. Толстому «уяснилось все в целом», и он «написал конспект 9 глав» (т. 52, с. 32), когда работал уже над четвертой главой своей книги.

Вот текст этого «конспекта» (т. 28, с. 309):

1 гл. То, что сделано б<ыло> уже прежде.

2 гл. Суждения церкви<ых> и вольнодумных кр<итиков>.

3 гл. Die schädlichsten Wahrheiten und maessig entstellt*. Причина непонимания церкви<ков> — церковь.

4 гл. Причина непонимания светских — наука.

5 гл. Два недоразумения препятств<уют> пониманию христианства людьми научными.

* Вреднейшие истины и иетины отчасти искаженные (нем.).

6 гл. Неизбежность замены общественного жизнепонимания христианским.

7 <гл.>. Страдания жизни: правительства. Значение общей воинской повинности.

8-я <гл.>. Какое же разрешение? Прекращение подлости. (Schiller'a письмо.) Пробуждение от гипнотизма, сознание долга — добродетели, как было, гражданской, теперь — христианской.

9-я <гл.>. Чем же она выразится? Не выразится ли она квиетизмом, равнодушием? Подвигом спокойствия — преддверия любви, неделания зла.

Заключение.

Как это будет?*

«Конспект» был составлен начерно без всякой стилистической отделки, в нем были обозначены лишь основные сюжетные линии трактата.

Продолжая работу над трактатом, Толстой 12 августа записал в дневнике, что «остановился на 8-й главе и, кажется, обдумал ее сегодня» (т. 52, с. 48).

В отличие от «конспекта», предусматривавшего 9 глав и заключение, Толстой на этом этапе работы намеревался закончить ее на восьмой главе. В дневнике 13 сентября 1891 г. отмечено: «За это время писал довольно много. Подвинулся так, что близок к концу. Пишу VIII гл., которой и окончится» (т. 52, с. 50). Однако глава эта так разрослась, что Толстому пришлось разделить ее на три — восьмую, девятую и десятую, к которым были затем прибавлены еще одиннадцатая и заключительная двенадцатая глава, разбитая на шесть подглав.

2

В 1891—1892 гг. в России разразился страшный голод, охвативший двадцать девять губерний. По словам Толстого, была «голодом захвачена $\frac{1}{3}$ России, и та самая треть, которая всегда кормила большую часть остальных двух третей» (т. 29, с. 118).

Крестьянские голодовки в царской России были обычным явлением. В статье «Признаки банкротства» В. И. Ленин писал: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности (...). С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой» (Сочинения, т. 6, с. 66—67).

Узнав о страданиях голодающего народа, Толстой не мог «жить дома, писать», чувствовал «потребность участвовать, что-то делать» (письмо к Н. Н. Ге-отцу и Н. Н. Гесыну от 9 (?) ноября 1891 г. — т. 66, с. 81—82).

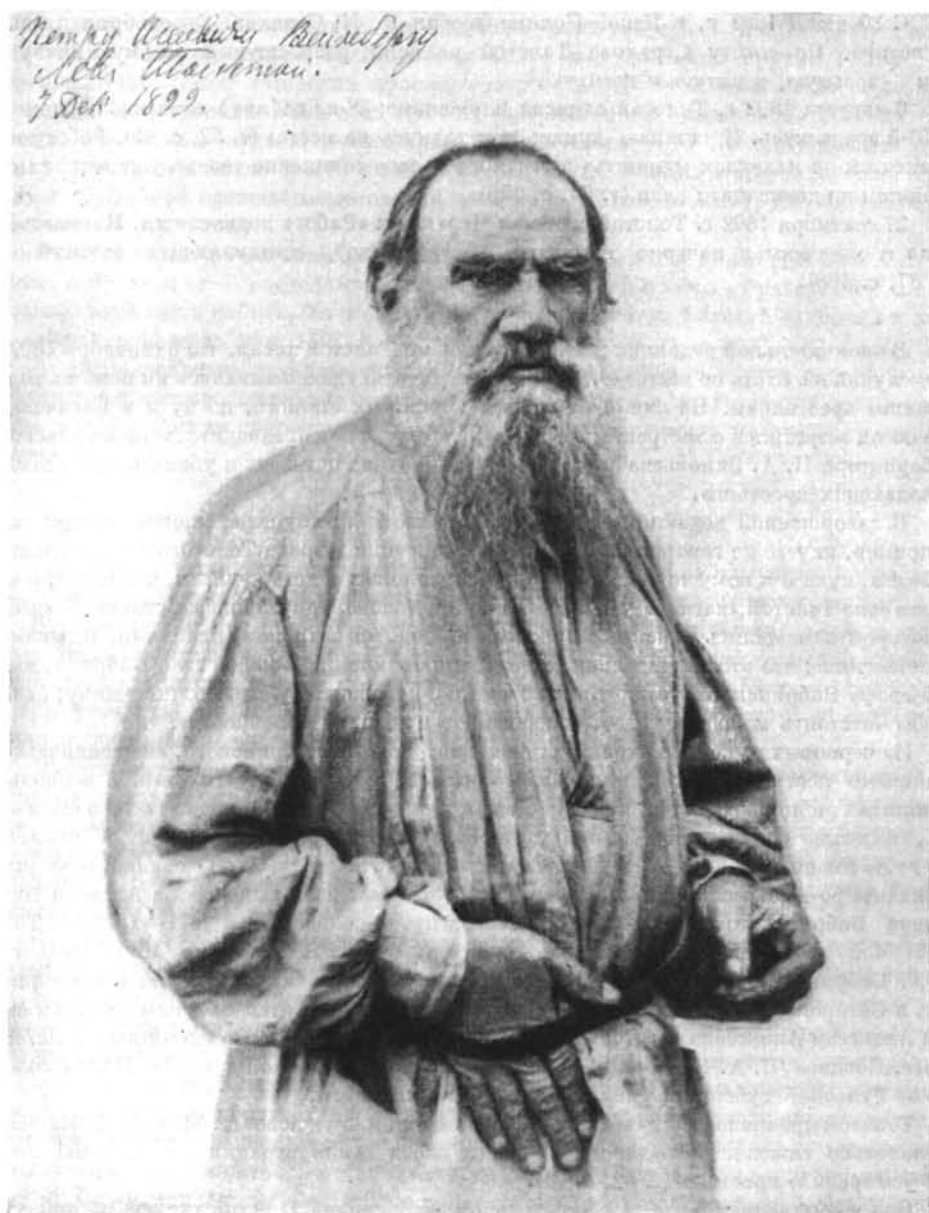
В сентябре 1891 г. он объезжает районы Тульской и Рязанской губерний, пораженные голодом. Возвратившись в Ясную Поляну, Толстой пишет статью «О голоде», чтобы рассказать в ней о страданиях голодающих крестьян. «Вот большая деревня Ефремовского уезда, — читаем в его статье. — Из 70 дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадях побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда» (т. 29, с. 92).

Толстой решает принять деятельное участие в помощи голодающим крестьянам. В октябре 1891 г. он поселяется в имении своего друга И. И. Раевского Бегичевке Рязанской губернии, где на пожертвования, поступавшие к нему из разных мест России и из-за границы, он организует многочисленные столовые для бедняков, детей, стариков. Оказывает помощь и в поддержании хозяйства, в сохранении скота. Его помощники организуют медицинские пункты для борьбы с эпидемией.

Месяц, проведенный им в работе для голодающих крестьян, «один из самых счастливых» в его жизни, — сообщал Толстой А. А. Толстой 8 декабря 1891 г. (т. 66, с. 107).

Оказание помощи голодающим крестьянам, составление отчетов, писание статей о голоде отнимали у Толстого много сил и внимания. И тем не менее он продолжал писать свой трактат. 3 и 4 октября 1891 г. Толстой «писал 8-ю главу и хорошо кончил»

* Сбоку справа приписка: Правительства уж не помощь, а вред. Защита от междоусобиц не стоит лишений.

ТОЛСТОЙ

Фотография 1892 г. с дарственной надписью:

«Петру Исаевичу Вейнбергу Лев Толстой. 7 дек. 1899»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

(т. 52, с. 55). В действительности восьмая глава не была им закончена; работа над этой главой велась и в последующие месяцы.

С 20 июня 1892 г. в Ясной Поляне гостил Н. Н. Страхов. Он одобрил писание Толстого. По совету Страхова Толстой разделил разросшуюся восьмую главу на три — восьмую, девятую и десятую.

6 августа 1892 г. Толстой записал в дневнике: «8-я гл(ава) кончена, но над 9-й и 10-й все вожусь. И начинаю думать, что толкусь на месте» (т. 52, с. 69). Работу над трактатом он надеялся «кончить» в сентябре и свое сочинение теперь уже мыслил состоящим из двенадцати глав (т. 66, с. 259).

27 сентября 1892 г. Толстой сообщал Черткову: «Работа подвигается. Написано 11 глав и окончены и начерно написана 12-я гл(ава), составляющая заключение» (т. 87, с. 160).

3

В окончательной редакции двенадцатой главы Толстой писал, что 9 сентября 1892 г. ему случилось ехать по железной дороге в местность, где оказывалась им помощь голодающим крестьянам. На одной из железнодорожных станций, по пути в Бегичевку, его поезд встретился с экстренным поездом, в котором под предводительством тульского губернатора Н. А. Зиновьева ехал карательный отряд истязать и убивать «этих самых голодающих крестьян».

В завершенной редакции двенадцатой главы были опущены многие детали: там, например, ничего не говорилось о том, где произошла встреча Толстого с карательным поездом, куда и к кому тот направлялся. Из черновых текстов узнаем, что поезд, в котором ехал Толстой, «нагнал» у большой станции Узловой» другой поезд, стоявший здесь, в котором помещались войска «с ружьями и боевыми патронами, саблями, штыками, пистолетами»; что этот карательный поезд направлялся в большое село Бобрики, имение графа Бобринского, усмирять крестьян, не дававших рубить лес помещику; ехал, чтобы «отстоять мошеничество, совершенное над ними помещиком».

Из черновых рукописей трактата не видно, какого Бобринского, «мошенически» отнявшего лес у «голодных и холодных крестьян», имел в виду Толстой. В черновых рукописях он лишь сообщал, что помещик «в то же утро, как приходил поезд в его имение, поспешно уехал, чтобы не присутствовать» при истязании крестьян, и называл его не по имени, а просто — «молодой малый», «богатый малый». Очевидно, речь шла о Владимире Алексеевиче Бобринском (р. 1868) — младшем сыне графа Алексея Павловича Бобринского (1826—1894), министра путей сообщения в 1871—1874 гг. Толстой знал лично обоих Бобринских — отца и сына. В голодные 1891—1893 гг. В. А. Бобринский был гласным Богородицкой уездной земской управы и постоянно жил в Богородицке и в своем имении, в селе Бобрики. Его отец со своим старшим сыном Алексеем Алексеевичем (театральным деятелем, р. 1864) в это время жил в Петербурге. Позднее В. А. Бобринский был членом Государственной думы II, III, IV созывов от Тульской губернии, умер в 1921 г. белоэмигрантом.

Толстой признавал, что «впечатление Узловой было ужасно» (т. 84, с. 160). На него «мучительно тяжелое впечатление произвел поезд администрации и войск, ехавших для усмирения» крестьян (т. 52, с. 71).

Под впечатлением встречи с карательной экспедицией Толстой тут же, по приезде в Бегичевку, 9 сентября сделал черновой набросок, который и стал первоначальной черновой редакцией двенадцатой главы трактата, а глава двенадцатая, написанная прежде, до 9 сентября, вследствие перестановки стала одиннадцатой, бывшая же одиннадцатой — вошла в состав десятой главы.

Толстой считал все написанное им в двенадцатой главе после 9 сентября необходимым заключением к сочинению «Царство божие внутри вас» (т. 87, с. 182).

В черновых набросках двенадцатой главы содержатся высказывания Толстого, не вошедшие в окончательный текст этой главы. Орловского губернатора Неклюдова и нижегородского — Баранова, прославившихся истязаниями крестьян, Толстой называет в этих набросках «палачами» и «мерзавцами»; общественное мнение «кладет на них неизгладимое пятно хуже старинного клейма каторжных». О тульском же губернаторе Н. А. Зиновьеве Толстой пишет здесь, что «он знает всю мерзость того дела,

которое он совершает, но старается притвориться спокойным. И бегающие глаза и неестественная развязность тона выдают его».

Судя по рукописям трактата, двенадцатая, заключительная, в сравнении с восьмой главой, потребовала от Толстого еще более напряженного труда. Глава подверглась наибольшей авторской правке, содержала огромное количество чернового рукописного материала. Если весь трактат содержит около четырнадцати тысяч черновых рукописных листов, исписанных с обеих сторон, то на одну двенадцатую главу приходится около шести тысяч листов. Такое обилие материала свидетельствует о крайней сложности авторской работы и об огромном труде, затраченном Толстым на эту главу.

Толстой писал 24 декабря 1892 г. Н. Н. Ге-сыну: «Мы в Москве, я весь в своей книге, в писани ее — последняя глава — заключение, и ничего не вижу, ни о чем не думаю, кроме как о ней» (т. 66, с. 287). Работу над трактатом Толстой закончил в конце первой половины мая 1893 г.

То обстоятельство, что двенадцатая глава «Царства божия внутри вас» писалась Толстым под непосредственным впечатлением его встречи с карательным поездом и в годы, когда в России свирепствовал страшный голод, наложило на эту главу яркий отпечаток.

4

Настоящая статья дополняет нашу статью «История писания и печатания трактата „Царство божие внутри вас“» и варианты, напечатанные в Юбилейном издании (т. 28).

В указанной статье (с. 357) говорилось, что под впечатлением своей встречи с карательным поездом Толстой тут же сделал набросок, ставший началом двенадцатой главы. Дополнительное изучение черновых рукописей трактата позволяет теперь уточнить, что этот набросок, сделанный Толстым в Бегичевке 9 сентября, являлся первоначальной черновой редакцией двенадцатой главы.

Публикуемые нами варианты извлечены из обширного чернового материала к двенадцатой заключительной главе трактата. Несмотря на то, что они относятся к разным стадиям работы Толстого над главой и некоторые из них не находят себе точного соответствия в окончательном тексте этой главы, мы все-таки для удобства чтения располагаем их по мере возможности в порядке сюжетного развития двенадцатой главы в последней ее редакции.

В а р и а н т № 1 — первоначальная черновая редакция двенадцатой главы, созданная Толстым 9 сентября 1892 г. в Бегичевке. В дальнейшей авторской работе она подверглась коренной переработке. Отдельные мысли, содержащиеся в ней, получили некоторое отражение в окончательном тексте. Так, в первоначальной черновой редакции говорилось о тяжелом экономическом и правовом положении русских крестьян; о том, что Толстой к ним ехал 9 сентября 1892 г. с тяжелым чувством, «подобным тому, которое испытывает приставленный к безнадежному больному фельдшер», последний, ухаживая за этим больным, знает, что не может вылечить его и вместе с тем чувствует нравственную невозможность оставить его; о том, что Толстой «ехал к этому несчастному больному, чтобы сидеть над ним» и показать ему свое сочувствие к его страданиям. Карательный поезд, с которым Толстой встретился на станции Узловая, ехал «усмирять этого самого умирающего больного». Все эти страницы, рассказывающие о тяжелой доле русского крестьянства, Толстой, перерабатывая первоначальную черновую редакцию двенадцатой главы, исключил, и они в печатный текст не вошли. Впоследствии в совершенно иной форме Толстой писал об этом в 1898 г. в статье «Голод или не голод?», когда в России снова разразился голод и Толстой, как и в 1891—1893 гг., принимал деятельное участие в помощи голодающим крестьянам.

В упомянутой статье Толстой писал: «Голода нет, а есть хроническое недоедание всего населения, которое продолжается уже 20 лет, и все усиливается <...> Голода нет, но есть положение гораздо худшее. Все равно, как бы врач, у которого спросили, есть ли у больного тиф, ответил бы: „Тифа нет, а есть быстро усиливающаяся чахотка“» (т. 29, с. 224—225).

Также не вошли в окончательный текст многие подробности из описания участников карательного поезда и самого руководителя этого поезда губернатора Зиновьева.

В восьмой главе Толстой подробно пишет о германском императоре Вильгельме II, приводит его речь, с которой он обратился в 1891 г. к рекрутам.

По мнению Вильгельма II, рекруты после принятой ими присяги принадлежат ему душой и телом; теперь для них существует один враг — враг Вильгельма; если окажется нужным, они должны быть готовы даже к тому, чтобы «убивать своих братьев и отцов».

В этой главе Толстой называет Вильгельма II «жалким, ошалевшим от власти, больным человеком», который «оскорбляет все, что может быть святого для человека» (т. 28, с. 162—163).

В черновой редакции двенадцатой главы он только упоминает Вильгельма II. Но в процессе работы над этой главой упоминание о Вильгельме II Толстой исключил, и в окончательный текст оно не вошло.

Первоначальная черновая редакция двенадцатой главы, судя по авторской правке, не удовлетворила Толстого. Написав, он стал перерабатывать ее. Во второй ее половине Толстой многое исключил.

Без сомнения, работая над расширением первоначальной черновой редакции двенадцатой главы, Толстой писал и дополнения. К числу таких дополнений мы относим отрывок, публикуемый в виде в а р и а н т а № 2. Он был написан, как это видно из его содержания, тоже в Бегичевке, на следующий день по приезде туда Толстого, т. е. 10 сентября 1892 г.

Не располагая всеми рукописями ранних черновых редакций двенадцатой главы, мы лишены возможности определить в них место варианта № 2.

Вторая половина этого варианта, где говорится об эксплуатации и угнетении правящими классами трудового народа, получила весьма отдаленное отражение в окончательной редакции, а первая его половина никак не отразилась.

Ранние черновые редакции двенадцатой главы, как и вообще все черновые рукописи Толстого, содержали в себе многочисленные авторские поправки, вставки и исключения текста. После окончания работы над ними, Толстой передал свою рукопись для переписки. Переписанная рукопись снова исправлялась им.

К этому периоду работы, когда рукопись была переписана и Толстой продолжал над ней работать, относятся последующие черновые отрывки, публикуемые в виде вариантов № 3—15.

В а р и а н т № 3 — это небольшой отрывок, не вошедший в состав печатного текста двенадцатой главы. Из него узнаем и о месте встречи Толстого с карательным поездом.

В а р и а н т № 4, за исключением нескольких первоначальных строк, тоже не отразился в окончательной редакции двенадцатой главы.

В этом варианте Толстой стремится выяснить причины голодовок и постоянной нужды русского крестьянства. По своему содержанию вариант дополняет статьи Толстого о голоде.

Последующие варианты № 5—15 — это небольшие отрывки или совсем не включенные Толстым в печатный текст, или использованные в печатном тексте лишь частично.

Высказывания Толстого, содержащиеся в публикуемых черновых вариантах двенадцатой главы, без сомнения, послужат ценным дополнением к его трактату «Царство божие внутри вас» и к его статьям о голоде.

Позднее, работая над романом «Воскресение», Толстой привнес в него многое из того, что наблюдал и пережил в годы, когда оказывал помощь голодающим крестьянам.

Изображая на многих страницах этого романа тяжелую жизнь крестьян, он противопоставляет ее роскоши, в которой живут господствующие классы. Публикуемые черновые варианты по мыслям, содержащимся в них, служат также ценным дополнением и к роману «Воскресение».

ВАРИАНТЫ К ГЛАВЕ XII

<1>

Вчера я кончал эту двухлетнюю работу и поехал ^{1*} опять в ту Рязанскую деревню, где я жил, распределяя пришедшие к жене моей пожертвования на корм голодающим русским крестьянам. Поехать туда было уже давно пора.

Было 9 сентября. Прошло более месяца со времени уборки. Убрано было в нынешнем году еще меньше, чем в прошлом году. Едва достанет у нек<оторых> на месяц. Ярового совсем нет. И это — третий год. Я ехал туда с тем тяжелым чувством, с которым я прожил там год, чувством, подобным тому, которое испытывает приставленный к безнадежному больному фельдшер, который должен трудиться, переворачивать, давать лекарство, зная, что все, что он делает, не поможет больному, и вместе с тем чувствуя ^{2*} невозможность оставить его. Чувство особенно мучительное тем, что, если бы больному дали ту пищу, то <1 нрзб.>, те все условия, которые ему нужны, он бы мог выздороветь. Но есть люди, которые не дают ему этого. Принудить людей дать их ему нельзя, и должен ходить за этим больным, зная, что труд твой праздный и что больной не поправится ^{3*}.

Кормить русских голодающих крестьян: у большинства из них земли меньше чем половина того, что нужно, чтобы прокормиться, земля эта вся окружена и перерезана землями помещиков. Иногда с нею окружены <1 нрзб.>, у многих, как Бобр<инских>, нищенский надел, т. е. есть только $\frac{1}{10}$ того, что нужно, чтобы кормиться, остальное у помещика.

У большинства из них нет $\frac{1}{10}$ того капитала в виде лошадей, орудий, которые нужны для обработки, все они в долгу у землевладельца и правительства, собирающего с них непосильную подать. Они закабалены помещиком так, что мужчина работает 16 часов <в> день за 15 к., женщина — за 8.

Они все нищие и третий год мрут от голода. Хотят уйти, переселиться, их не пускают под предлогом, что не нарезаны земли, но в сущности потому, что они рабы, прикреплен<ные> к земле, и нужны для землевладельцев. Унижение их таково, что всякий мужик, снявши шапку, за 100 шагов бежит к человеку, одетому по-господски, если он поманит его.

Всякая женщина — $\frac{9}{10}$ женщин — продадут и продают себя за 20—50 к. И вместе с тем, это тот самый народ, на котором зиждется вся сила русского государства: они платят тот миллиард, который собирается, они производят всю работу, кормящую всех господ, они то войско, которым угрожает русское правительство Европе и держится весь народ.

И вот я ехал к этому несчастному больному, чтобы сидеть над ним, зная, что я не помогу, но чувствуя необходимость хоть этим моим сиденьем над ним показать сознание своей вины перед ним и сочувствие его страданиям. И вот едучи по железной дороге, на половине дороги мы съехали на станции с целым поездом администрации и войска, которое ехало умирять этого самого умирающего больного, над которым я ехал сидеть, и в ту же местность.

Дело, по которому они ехали, следующее. В Епиф<анском> уезде одно из огромных имение гр. Бобринского. Все Бобр<инские> устроили свои дела так, что их крестьяне на нищенском наделе. Но у них есть земля, и понятно, как они ценят то, что у них есть. В большом селе этом, Бобрики, есть выгон, оставленный в общем владении. На выгоне вырос лес. Крестьяне считают, что леса половина принадлежит им, по

^{1*} Далее было: туда, куда уж мне нужно было ехать, в Рязанскую губ.

^{2*} Далее было: свою пра<вственную>

^{3*} Первоначально: умрет.

владелец, у которого миллионы, не хочет уступить им половину своего леса и <требует> 2000 рублей. Стали судиться. Судьи первой инстанции неправильно (я говорю неправильно со слов всех юристов, знающих это дело) решили это дело. Все дальнейшие инстанции до сената, не найдя поводов к кассации, утвердили решение, и лес присудили помещику. Он решил срубить его. Крестьяне не дают рубить и отгоняют тех, кто хочет поднимать лес. Вот в чем дело, тянущееся уже два года. В нынешнем году решено усмирять их, и поезд людей, который я встретил, ехал для этого усмирения.

Первое, что я увидел — это был молодой человек хорошей честной семьи, родителей которого я знал давно, а его знал мальчиком. Он ехал с губернатором усмирять. Куря папироску, он вошел к нам в вагон и стал с бегающими глазами рассказывать про это дело в таком духе, что это необходимо, что тут кто-то делает не то, что надобно, но что он надеется, что все уладится, что не будут ни стрелять, ни сечь; но в поезде везут солдат с заряженными пулями ружьями, с отточенными штыками и с запасом розог. И этот юноша едет участвовать в этом. Мне так жалко было его, и так он вместе с тем противен был мне, что я отошел от него и не слушал его больше.

Следующее, что я видел — это были вагоны молодцеватых, веселых, честных солдат в кителях, которые стояли в дверях, сидели, спустив ноги, в товарных вагонах и весело болтали, не понимая того, что и зачем их везли с их ружьями и тесаками.

Их семьи ободрали, отняв последних баранов, на эти деньги их кормят, поят, чисто одевают, на эти же деньги купили им ружья, на эти деньги наняли священников и офицеров, которые — одни обманывают их, другие учат убийству и ведут теперь на их же отцов и матерей разорять последнее, что осталось у них, или убивать их (как объяснил это Вильгельм), если понадобится. И они едут, закуривают, бегут по платформе напиться, шутят, делают дурацкие жесты перед офицерами и думают, что все это так надо и иначе быть не может.

Следующее, что я увидел, — это начальника всей этой экспедиции, седого ^{4*} человека, у которого, я знаю, дочь выходит замуж и маленькая 5-летняя дочка, невинный ребенок, которую он любит и крестит, старушка мать, у которой он целует руку и тоже крестит ^{5*}.

Лицо этого человека несчастно. Он знает всю мерзость того дела, которое он совершает, но старается притвориться спокойным. И бегающие глаза и неестественная развязность тона выдают его.

Станция вся полна офицерами. Все — молодцы, чисто одетые, пьют, едят, курят, все те же самоуверенные жесты, твердые походки. И все это кажется мне притворным. Не могут они не знать значения того, что они делают.

Но нет, не могут они притворяться: зная значение того, что они делают, делать то, что они делают. А если зная, что они делают, делать то, что делают из выгод, из страха неприятностей, то они все подлецы, негодяи, мерзавцы. Но ведь это не может быть. Я знаю некоторых из них и знаю, что они добрые, хорошие люди. Что же не видят они разве того, что они делают? Этого не может быть. Ведь дело все так ясно, что сказать, что они не видят значения того, что они делают, про них, все равно, что сказать, что человек, крадущий из чужого кармана деньги, не знает того, что он делает.

Ведь все они знают, что едут они на мужиков, на тех, которые кормили их и кормят и на этом труде затянулись так, что стали умирать с го-

^{4*} Первоначально: старого

^{5*} Далее было: Человек с бегающими глазами суетился на ста<нции>

СБОРНИК «ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ» (М., 1892), ИЗДАННЫЙ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ ТОЛСТОГО
Шмудтитул с рисунком В.Е.Маковского

лода; знают, что они едут, чтобы восстановить нарушенные права собственности богача и нехорошего богача, что они все не исполняют служебную обязанность по отношению к этому богачу, которому не хочется отдать отобранную неправдой у нищих мужиков $\frac{1}{10000}$ его состояния. Они все едут исполнить незаконное желание этого богача; и едут как? с чем?

Ведь они знают, что с ними едут розги и главное — едут ружья, боевые патроны. Они знают, что они едут, чтобы привести в исполнение высочайший, как они называют, указ (состоящий в том, чтобы исполнить затеянное богачом мошенничество) и что они едут, чтобы сломить силою сопротивление властям, которое началось и может повториться.

Силою же сломить сопротивление, — значит ранить, убивать подряд всех, кого попало, других нет средств, и к этому они по всем вероятностям могут быть приведены сопротивлением. И они едут, и офицеры в голубых околышах, оставив ножку, пьют чай, заботливо отряхивают крошки хлеба, насыпавшиеся на грудь. И шутят, и курят, и едят, и пьют.

И они, — и генералы, и солдаты, и все — спокойны. Что же это такое? Гипнотизация? Но это — хотя это более всего объясняет положение — недостаточно. Гипнотизация есть влияние одного человека на другого, но где здесь гипнотизация? Загипнотизированы все. Но кем? Гипнотизация есть действительно единственное объяснение, потому что тут есть именно явление гипнотизма, именно то, что люди действуют под влиянием низших психических сил, высшие же как-то, чем-то усыплены. Есть еще и то гипнотическое явление, что приведены^{6*} в это состояние люди бле-

^{6*} В автографе описка: приведено

ском внешним, наружным — как гипнотизируют смотрением на блестящий предмет. Здесь тоже блеск торжественности, всегда сопутствующий такого рода явлениям. Без внешнего блеска, блестящих предметов, барабанов, музыки, колокольного звона и т. п. не бывает подобных явлений. Говорят про гипнотизацию шекеров, вертящихся дервишей и т. п. И ездят смотреть это как редкие явления, когда такие явления окружают нас, когда мы все поработены такими явлениями.

Мы все невольные вертящиеся дервиши. Тут есть явления гипнотизма, и только гипнотизмом можно объяснить эти явления. Но где гипнотизатор? Сказать, что гипнотизатор — глава правительства, нельзя; мы знаем, что он сам загипнотизирован и более всех других.

Он более всех других совершает дела, которые можно совершать только во сне и перед которыми он ужаснется, когда проснется, если только проснется когда-нибудь. Где же гипнотизатор? Его нет.

Люди загипнотизированы, но не кем-либо определенным лицом, стоящим вне гипноза (если не признать таким лицом фантастического дьявола), но загипнотизированы друг другом и загипнотизированы не нынче и вчера, а десятками поколений, историей. Правда, что есть часть людей, — правящие классы, — которым кажется более выгодное — это гипнотизация, и не желают пробуждаться от нее. И стараются усыпить или устранить пробуждающихся, но и все люди сами гипнотизируют себя и даже те, которым это невыгодно, также стараются усыпить пробуждающихся^{7*} и устранить их чаще, еще жесточе, чем те, которым это выгодно.

Люди, загипнотизированные несколькими поколениями, воспитанные в гипнозе, поддерживают друг друга в этом состоянии. Только этим можно объяснить то, что я видел 9 числа. Все эти люди делают несомненно противное всему, что только могут считать должным делать, и они так переплетены и связаны, что никто не чувствует себя виноватым. Помещик просил восстановить, как он говорил, свои нарушенные права, подкупленный судья признал несправедливое справедливым, высшие инстанции утвердили, не найдя поводов к кассации, административная власть потребовала исполнения, для приведения в исполнение, так как крестьяне не покорились, оказалось недостаточным станового и судебного пристава, понадобились войска.

Министр предложил, государь утвердил, губернатор с солдатами приводит в исполнение. Каждый в своем состоянии гипноза, т. е. с бездействующим высшим центром, как говорят врачи, с бездействующей христианскою совестью, как говорят по-русски: не может поступить иначе или виноват.

Один сочиняет, другой подписывает, третий^{8*} переписывает, четвертый отправляет, пятый исполняет и доходит, наконец, до солдата, который с розгой в руке должен сечь голую спину кричащего и корчащегося седого старика — такого же как его отец и дед (приняты меры, чтобы это не могло случиться) или стрелять боевым зарядом в стариков, баб, детей, голодных, нагих, объединенных нами кормильцов за то, что они защищают дело, признаваемое правым даже теми, которые истязают и убивают их. И никто не виноват. Никто не мог поступить иначе. — Да, что же ему делать, — говорят про министра, который пишет о невинности крестьян, про императора, который одобряет меру исполнения посредством войска, про губернатора, чиновника, полковника, ротного командира, солдата? — Что же им делать? — говорят люди, не выходя из гипноза, и искренно не видят возможности выйти из такого положения.

^{7*} В автографе описка: пробуждающего

^{8*} В автографе описка: другой. У Толстого первоначально было: Один подписывает, другой переписывает. Написав после слова Один дополнение: сочиняет, другой, Толстой по недосмотру не исправил слово другой на третей.

Если он не сделает этого, министр не распорядится, государь не подпишет, губернатор, полковой офицер, солдат не исполнят, то министр перестанет быть министром, государь — государем, губернатор — губернатором, полковник — полковником, офицер — офицером, т. е. все эти люди потеряют все те выгоды, которые связаны с этим, а солдат, так как ему нечего терять, будет сам высечен или расстрелян. И людям кажется это невозможным, казалось бы, нет такого состояния, в котором человек мог бы быть поставлен в необходимость пожертвовать или по крайней мере рисковать своей жизнью.

Можно прямо сказать и всякий согласится, что если человек живет так, что у него нет такого положения, в котором он может быть принужден отдать свою жизнь — он не человек, а животное. Риск жизни в каждой работе, — у рыбака, у дровосека, у машиниста; солдат; врач, священник, простой благородный человек живут так, что всякую минуту может к нему заявиться такое требование, при котором придется отдать свою жизнь или по крайней мере рисковать ею; военный, если он военный, всегда должен быть готов идти не только на самую большую вероятность смерти, но на верную смерть; врач точно так же, когда его зовут к чумному, прокаженному; так же священник, как мне недавно рассказывали, проглотивший частицу даров, которая вышла с рвотой холерного; всякий человек высшего круга всякую минуту должен быть готов на смерть на дуэли из-за того, что какой-нибудь шалопаи оскорбит его жену, сестру или его самого.

И люди не только говорят это, но в кругу общественных людей и уважают только таких людей, и действительно живут так: доктор идет к безнадежно чумному с риском заразиться, военный отдает жизнь за глупую тряпку, обшитую бахромой; священник действительно с опасностью жизни глотает кусочек хлебца, чтобы спасти его от осквернения, предполагая, что он чем-то отличается от других кусочков; светский человек становится под пистолет, потому что другой человек сказал ему глупость про его жену, сестру или его самого. Стало быть, есть же эта сила энергии, способность жертвы.

Отчего же эти люди не только не жертвуют жизнью, но не жертвуют жалованьем ради того, чтобы не участвовать в том ужасном деле, которое они поехали делать 9 числа.

Люди знают, что тут не тряпка с бахромой, не кусочек хлебца, над которым что-то нашептывали, не воображаемая честь жены, сестры, которая нарушается глупым словом чужого человека, а тут дело идет об ограблении, сечении, убийстве несчастных, голодных для того, чтобы пустому мало(му), богачу прибавить 2000 р., которые он пропьет в два дня.

Отчего же они тут не жертвуют своей жизнью? Да и не жизнью. Тут жертвы всех ограничатся самым ничтожным. Министр, не докладывая и отказавшись преследовать, рискует только немилостью, но не будет пенсии государственного совета, стало быть ничем не рискует. Государь, не подписывая, ничем ровно не рискует, кроме ослабления своей власти. Также губернатор, офицеры рискуют выходом в отставку, переходом в другое ведомство, т. е. маленькие, уменьшенные жалованья. Солдаты рискуют больше всех, но и то далеко не жизнью. И несмотря на то, что мотив, по которому следует жертвовать, в бесконечное число раз важнее тех, во имя которых люди жертвуют своей жизнью, и несмотря на то, что жертвовать приходится самыми ничтожными выгодами, люди не жертвуют ими и, сваливая ответственность друг на друга, совершают те страшные дела, которые они совершают ныне — 9го сентября с своими розгами

^{9*} В автографе описка: 11 вместо: 9.

и заряженными ружьями. (То, что дело это может кончиться без истязаний^{10*} и убийств, не уменьшает преступности поступка людей, с готовностью исполнить их, шедших на эти истязания и убийства.)

Что это значит? А значит это то, что люди^{11*} думают, что они не люди, не сыны бога, пославшего их в жизнь для исполнения его воли, а думают, что они министры, цари, губернаторы, священники, офицеры, солдаты. И они готовы понести всякие страдания и жертвы для того, чтобы только исполнить то, что от них требуют их министерство, императорство, губернаторство, священничество, офицерство для того, чтобы не потерять своего общественного положения. Им кажется, что вся жизнь их в этом. Они думают, что они министры, цари, солдаты, и забыли, что они люди, что кроме тех маленьких, крошечных по времени и пространству закончиков их государств, министерств, вероисповеданий, как и кроме разных обычаев, убожений, свадеб, керемети чувашских и т. п., существует один вечный закон, написанный в сердце каждого человека и неизгладимыми ясными, понятными всякому словами, вызванный всею мудростью человеческой и последним великим проявлением ее — христианским законом.

Что же мне делать? Ведь я министр, получая за это жалованье. Кроме этого, я исполняю волю императора. Что же мне делать? Я царь, я ответствен за спокойствие населения, безопасность, а бунты нарушают, я обязан предписать? Что же мне делать, губернатору, я служу, у меня семья, которая этим живет. И кроме того, если бы был не я, был бы другой, который жестче, хуже меня исполнял бы. (Я палач, с приятностью рублю голову, другой будет хуже.) Я полковник, офицер, я этим живу, кормлюсь, я на другое не способен. Что же мне делать, солдату? Ведь меня же накажут. Ведь если бы это не было так ужасно, это было бы смешно именно той^{12*} несоответственностью ничтожности причины с огромностью выводимого из нее^{13*} следствия. — Я разумное, любящее существо, сознаю себя только разумом и любовью; я, как говорил Достоевский, существо, не жившее никогда — целая вечность прошла и меня не было — я это существо вдруг после целой вечности несуществования сознаю себя живущим, разумным и любящим существом и узнаю, что жизнь эта моя продолжается только около, в лучшем случае, 70 лет^{14*}, т. е. мгновение в сравнении с предшествовавшей вечностью, и я опять уйду туда, откуда я вышел, в вечность несуществования. Я знаю, что это так, знаю это несомненно, и все фантазии о жизни за гробом — игра воображения; действительное же положение мое такое, — мне дана жизнь на мгновение, которую для себя мы разделяем на 70, или около того, оборотов земли около солнца. Но это мгновение — мое. В этом — опять, что бы ни говорили те, которые утверждают, что жизнь моя не моя, не от меня зависит, все это фантазии и игра воображения, — действительность, но что жизнь эта моя, и я могу сделать с ней все, что хочу в данных мне пределах, могу даже уничтожить ее, могу сделать ее адом, могу всю ее пропитать ядом отчаяния^{15*}, ненависти к людям и к началу, пославшему меня в жизнь, могу сделать ее раем — коротким или длинным, это все равно, она всегда коротка среди двух вечностей, — пропитанной радостью жизни, любовью к людям и к тому началу, которое послало меня в жизнь. Оба пути открыты передо мной и каждым из нас. Каждый шаг на первом пути зла мучителен и отзывается неудовлетворением и укором в глубине совести,

^{10*} Первоначально: без употребления оружия

^{11*} Далее было: забыли, что они люди

^{12*} Далее было: контрастом двух сопоставляемых

^{13*} В автографе описка: из него

^{14*} Первоначально: от 30 до 70 лет

^{15*} Первоначально: зла

всем нам — он дает благо; внутреннее чувство непрестанно подтверждает истинность этого закона.

Если и может быть сомнение о том, как именно, как нужно провести мне это данное в мою власть, это 70-летнее, в лучшем случае, мгновение моей жизни между двумя вечностями, то сомнения в том, чего не надо, наверное, не надо, не должно делать в это мгновение, которое каждую секунду может оборваться смертью, я уже верно знаю. Наверное знаю я, что мучать, истязать, убивать людей, братьев, самых близких братьев, тех, которые кормили моих отцов, меня, мне уже никак нельзя. Каждый из нас знает это несомненно^{17*}.

И вдруг люди, которые все это знают, несомненно знают, только оттого, что кто-то назвал его министром, царем, священником, офицером, вдруг забывает все это, отступает не только от христианского закона, который исповедует, но от самого простого, 2000 лет тому назад известного людям закона, от требования своего сердца, и тот единственный момент среди двух вечностей, который дан ему, проводит противно и своему чувству, и опыту всего человечества, и своему разуму, и своей выгоде только потому, что он вообразил себе, что он не человек, а царь, министр, солдат, и что для него обязательнее выдуманные ими требования царя, министра, чем вечные требования человека.

Людей выпустили из тайного подземелья, в котором они были и в котором их вот-вот опять запрут; сторожа уже стоят и по одному схватывают выпущенных и тащут их опять туда же, откуда они только что выпущены; над ними радость солнца, цветов, деревьев, жизни и любви и полной свободы.

И люди ничего не могут придумать лучшего, как вместо всех тех наслаждений, которые открыты им и которые они сами любят, называться кто папой, кто императором, кто инквизитором, кто турком, кто министром, кто тюремщиком, кто царем, кто палачом, кто губернатором, кто солдатом, кто прокурором, и они, все измученные, с мрачными лицами и бегающими глазами весь короткий миг данной им жизни тратят на то, чтобы с розгами и ружьями ездить сечь спины старых голодных мужиков и стрелять в них, запивая это вином, чтоб как-нибудь скрыть от себя всю погибель своей жизни, запивая это [вином], чаем, закуривая это табаком^{18*}.

Мало того, что людям открыто, что так как данный им миг — жизнь коротка, то нельзя им проводить этот данный им миг в ненависти и злобе. Но им еще открыто и то, что жизнь их, этот миг, не пустяки, но имеет глубокий смысл, что миг этот, как он ни мал, есть необходимое условие жизни всего мира, есть орган служения тому, кто послал их сюда, что, кроме личного расчета, по которому жизнь лучше прожить в блаженстве, любви к людям, чем в муках ненависти к ним и страха перед ними, в жизни этой есть еще глубокий, общий смысл, есть общее дело, которого каждый из нас призван быть участником, которое делается только нами, и всякий чувствует еще то — и это открыто Христом, что в жизни этой, кроме вопроса его личного блаженства или страдания в данный ему миг жизни, есть еще общее дело, которого он призван быть творцом, что мы,

^{17*} Далее было: что всякую секунду может умереть, и все они боятся этого, как холеру, что смерть может застать на этом самом деле, что жизнь моя, данная на радость и любовь, пройдет и кончится в том, что я буду подписывать глупые и злые бумаги, делать смотры и участвовать в них и сечь и стрелять в мужиков, которые кормили и кормят меня.

Единственная возможность провести наилучшим образом данное нам мгновение жизни есть следование этому закону, не говоря уже о законе не ограбления, не истязания, не убийства, но закона любви.

^{18*} В автографе далее следует текст, вероятно, не зачеркнутый Толстым по ошибке: истребления и мучения друг друга. Но мало этого

вступая в жизнь, вступаем в дело, которое не мы начали, но которое мы обязаны продолжать, мы жнем то, что не сеяли, и радость наша общая. И продолжение этого начатого дела совпадает с наибольшим благом, которое мы получаем, следуя закону любви.

Вступая в эту жизнь, мы чувствуем, что, увеличивая в себе любовь, мы содействуем начатому делу установления ц^арства б^ожия и, содействуя установлению ц^арства б^ожия, увеличиваем любовь в себе и в других людях. Так что все со всех сторон влечет нас к исполнению вечного закона, написанного в наших сердцах и во всем мире, и вдруг оказывается, что оттого, что маленький кружок людей назвал меня царем или становым, или священником, или солдатом, я должен отказаться от вечного, ясного закона моей жизни, отступление от которого я не могу не чувствовать и покоряясь выдуманному закону маленького кружка людей и пренебрегая вечным законом, написанным и в моем сердце и в мудрости людской, лишиться и того блага, которое мне предназначено в короткий миг моей жизни, и отказаться от признанного единственно возможного смысла этого короткого данного в мое распоряжение мига. И я знаю, что мое мгновение жизни между двумя вечностями всякую минуту может кончиться и что единственная возможность блага есть служение любви в этот миг.

Я знаю, что смысл моей жизни только в исполнении воли пославшего меня, и воля в том же служении любви. Я знаю это и не стану делать того, что велит вечный закон разума и совести, а то, что велит Иван Иванович, мистр Смит или еще кто-нибудь: стану жизнь проводить^{19*} в подписывании злых бумаг, приговоров, в смотрах войск, писании глупых указов, производствах, проповеди лжи, истязаниях в тюрьмах и каторгах людей, в приготовлениях к убийству, проведу в этом всю жизнь, зная, что она всякую секунду может прекратиться и никогда не воротится. Это ужасно! [Опомнитесь, люди! Вы знаете, что есть один закон, стоящий выше всех других законов и определяющий справедливость всех остальных. И закон этот дан нам ясно, несомненно и следовать ему радостно и легко. Это — закон любви. Все, что ведет к увеличению любви в себе и в других, все то хорошо. Все, что ведет к увеличению любви к себе, но уменьшению ее в других, — вызывает злобу — дурно; все, что ведет к увеличению любви в других — мнимые благодеяния, если они не исходят из сердца, не производят умиления, не увеличивают любви к себе — тоже нехорошо. Хорошо и должно то, что увеличивает любовь в себе и в других, и делать. Вы знаете этот закон, следование ему удовлетворяет личное чувство и содействует общему делу, совершающемуся в мире. Вы знаете, что жизнь ваша мгновение и что поправить ее уж никогда нельзя, потому что она, эта жизнь, уже никогда не воротится ни для кого из нас. Опомнитесь, люди, проснитесь, стряхните с себя наущенный на вас веками обман и откройте глаза к простой истине, что всякая минута нашей жизни единственная, не может воротиться и что вся жизнь навсегда всякую минуту может прекратиться. Помните, что цель вашей жизни больше, чем те, которые предписывают вам люди. Цель нашей жизни есть исполнение дела божия, дело же божие никогда не может требовать истязаний, убийств и под^обного].

И не верьте тому, что люди любят говорить, что если мы не будем исполнять их воли, не будем брать подати, служить, судить, истязать, казнить, убивать, — будет что-то кому-то худое. Неправда. Не может быть никому худого оттого, что мы будем исполнять закон бога. Напротив, то, что от исполнения закона людского надо нарушать закон бога — признак того, что не надо исполнять закона людского.

^{19*} В автографе по ошибке осталось неисправленным: проведу

Одумайтесь, люди, *μετανοείτε* и веруйте в Евангелие, — говорил Христос, — и то же говорит вся история человечества <со> всеми теми ужасами жизни и противоречиями сознания и жизни, до которых мы дожили.]

1800 лет тому назад Х(ристос) сказал: Одумайтесь, — т. е. перемените свое понимание жизни и подобное и самую жизнь. Поймите, что жизнь ваша принадлежит не вам, не семье, не государству, не человечеству, а тому, кто послал вас сюда. Дело вашей жизни есть исполнение его воли. И воля эта открыта вам не в своих последних целях, но в той вашей деятельности, которая нужна для нее. И деятельность эта, нужная для нее, даст и вам наибольшее доступное всем благо. Благо это не в чьей-либо определенной цели, не в стремлении к ней, не в достижении ее, не в наслаждении личном, не в семье, не в богатстве, не во власти, а только в сознании того, что ты делаешь дело, которое ты призван делать. И дело это есть увеличение любви в себе и в других^{20*}. [Для исполнения этого нужно только то, чтоб тот помещик, который отнял лес у крестьян, не отнимал бы его. Для того же, чтобы он не был побуждаем отнимать его, нужно, чтоб у него не было к этому мотивов, чтоб он не жил роскошно. Для того же, чтобы он не жил роскошно, нужно, чтобы он, его мать, жена не в личном наслаждении искали блага, а в исполнении воли пославшего, в служении ему.]

Если бы тот помещик, который отнял лес у крестьян, не искал блага в личном наслаждении, и в этом же не искали его ближние, семейные, он бы не отнимал леса у крестьян^{21*}.

Но это все общие рассуждения, слова, что делать, что определенно делать для того, чтобы избавиться от зол нашей жизни и жить сообразно с законом Христа.

Делать надо тому помещику, который отнял лес^{22*}, не судиться, понимать, что суд дурное дело, насилие, и не только не оттягивать у крестьян леса, но быть готовым на то, чтобы, если крестьяне отняли у него его землю, не прибегать к суду и насилию, зная, что привести исполнение суда надо войском.

Если же помещик подал в суд, то судье не надо было судить не только неправильно, но вовсе судить, рискуя тем, что суд вызовет истязание и убийство, как это теперь случилось. Также не надо было судить сенаторам, министру, зная, что это дело может повести к убийству и в основе своей имеет убийство, также^{23*} не надо было царю делать предписание. Также не надо было военным служить в военной службе, зная, что цель ее убийство.

Но как же можно было помещику не отстаивать свой лес, у него бы взя(ли) его последнее? Как можно было судье не судить? Он этим живет и кормит семью. Как можно министру, губернатору, офицеру не исполнять приказания? Они тоже этим кормятся. Как можно царю не подписывать указ, он на это царь?

Для того, чтобы всем этим людям можно бы было сделать это, им, их семьям надо отказаться от всех материальных благ^{24*}. Для того, чтобы отказаться, надо в ином полагать их. Надо одуматься.

^{20*} *Далее зачеркнуто:* И для того, что <бы> исполнять это, не нужно, как это нужно для мирских дел, исполнение некоторых поступков, нужно только усилие, чтобы вырваться из инерции мирского движения и перестать совершать мирские поступки, губящие нашу жизнь.

^{21*} *Далее было:* Если бы он даже и отнимал лес у крестьян, судья, решивший

^{22*} *Далее было:* во-первых, не искать блага в наслаждении, роскошном богатстве, не делать того же женщинам, его семейным. Если бы он жил воздержно, ему бы не нужен был лес; во-вторых

^{23*} *Далее было:* надо было женами семьям этих чиновников

^{24*} *Далее было:* а этого они не могут

И стоит понять это для того, чтобы тотчас все зло заменилось благом, чтобы все сошедшиеся 9 сентября люди, удивленные тому, зачем они сошли сюда, все спокойно и радостно разошлись бы в разные стороны.]

Рук. № 30/318.

(2)

Да, это было бы смешно, если бы заблуждение это было невинное, не производящее мучительных <в> противовес всему существу человеческому последствий, и, главное, могло еще быть смешным, если бы это было только предположение; но <это> не предположение, но это ужасная действительность. Трудно удержаться от улыбки и часто и от смеха, когда взрослый, как будто настоящий человек, говорит вам серьезно и внушительно, что он теперь ангел божий и бог открывает ему все свои намерения. Слушая невинный бред несчастного и глядя на невредающие другим его нелепые поступки, мы не видим всего ужаса их и не можем удержать улыбки. Но если человек этот, вообразив себя ангелом нынче, доносящим богу о том, что происходит на земле, завтра может вообразить себя избранным орудием бога — ангелом смерти для истребления неверных и может перебить топором десятки людей. Тоже и с тем положением не заблуждения даже, но прямо сумасшествия, в котором живет большинство людей 1800 лет после открытия людям христианского закона, предполагающих свою жизнь данной им для их личного наслаждения или для благоденствия их семьи или государства.

И сумасшествие это не в том, что неразумно то, что если цель человека и человечества есть наибольшее материальное благо, достижимое здесь в этом мире, то для этого нужно то устройство мира, которое существует с своими правительстами, солдатами, розгами. Все это ясно и последовательно, как ясно и последовательно все то, что выводит сумасшедший из своего установившегося в нем ложного представления о том, что он гриб или ангел смерти; сумасшествие его не в том, что он сидит на корточках или убивает, а в том, что он верит, что он гриб или ангел смерти. И потому^{25*}...

Люди эти — некоторые из них — могут прожить длинную жизнь в этом тихом сумасшествии, могут не быть приведенными к необходимости делать то, что делали вчера те люди, которые поехали в Бобрики, т. е. те акты сумасшествия, перешедшего в бешенство, где сумасшедший бежит с топором, убивая невинных, но они всегда наготове этого, они поддерживают тех бешеных, которые как вчерашние бешеные бегают по свету, убивая людей; вся их жизнь поставлена так, что они связаны неразрывно с этими бешеными, что без этих бешеных невозможна их жизнь. И вся энергия бешеных поддерживается их не только согласием, но одобрением.

Живет семейство богатое (помещичье или капиталиста или купца или чиновника) где бы то ни было в России, в Англии, в Америке. Живет это семейство богато, т. е. так, что оно поглощает труды сотен, тысяч, миллионов рабочих, живущих так, что они не могут пользоваться произведениями своего труда, а отдают его этим богатым семействам.

Рабочие эти не могут хотеть отдавать свой труд чужим, не только незнакомым, но ненавидимым ими людям. Зачем же они отдают их им? Только затем, что если они не сделают того, что нужно, чтобы труд их переходил к этим семействам, или сделают то, что задержит этот переход,

^{25*} Против слов: И сумасшествие это не в том ~ И потому рукою Толстого карандашом помечено: пр<опустить>.

то их принудят их <!> силою. Что значит принудить силою? Значит, в лучшем случае для физического здоровья, но худшее для достоинства человека, — их будут сечь, бить розгами по голой спине, в худшем — запрут навечно, убьют пулями, штыками не одних бунтующих, но женщин, детей.

И та мать семейства, которая где бы то ни было сидит за своим роскошным столом <в> роскошной столовой, тратя на себя и свою семью чужой труд, — участница этого дела. Она та тихая сумасшедшая, не доведенная до бешенства, но сумасшествие то же. Для того, чтобы я мог пользоваться трудами людей, неохотно дающих его (не мне прямо, но кому бы то ни было), я должен быть готов сечь и убивать людей, я тот же, но только еще не раздраженный сумасшедший.

1800 лет тому назад сумасшествие это было обличено Христом, и 1800 лет уже люди стараются сцепиться так между собою, чтобы от самих себя скрыть свой грех и свое безумие, но и грех и безумие все более и более выступают наружу.

Уже 1800 лет тому назад христианство указало людям безумие их жизни. Еще 1800 л<ет> т<ому> назад Христос сказал, что безумие воображать, что жизнь принадлежит нам и цель ее есть благо наше — благо личное, семейное, государственное, и что в устройстве этого блага вся деятельность человечества.

[Безумие 1800 лет тому назад было открыто людям, но люди продолжали и до сих пор про<должают>. Это прежде было невинно, безвредно, но теперь оно становится ужасным.]

Рук. № 30/318.

СТОЛОВАЯ ДЛЯ ГОЛОДАЮЩИХ

Фотография М. Дмитриева из альбома: «Неурожайный 1891—1892 год в Нижегородской губернии» (Н.-Новгород, 1893)

Литературный музей, Москва

РАЗДАЧА ХЛЕБА ГОЛОДАЮЩИМ

Фотография М. Дмитриева из альбома: «Неурожайный 1891—1892 год в Нижегородской губернии» (Н.-Новгород, 1893)

Литературный музей, Москва

<3>

И вот я в то время, как ехал в эту местность, где мрет этот ^{26*} народ, продолжать то дело кормления голодных, в которое я невольно был втянут пришедшими ко мне для этой цели прошлого года пожертвованиями. Туда же ехал поезд чиновников и вооруженных солдат для умирения этих самых умирающих голодных.

[У большой станции Узловой наш поезд нагнал другой, стоявший здесь, поезд, везший войска. Войска эти <с> ружьями и боевыми патронами, саблями, штыками, пистолетами ехали умирять этих самых от жестокости правительства и правящих классов умирающих людей и в ту же местность, в которой мы ехали кормить голодных.]

Рук. № 31/334, л. 48.

<4>

И вот я увидел воочию русских добрых и проникнутых христианским духом людей, с ружьями и розгами едущих убивать и истязать своих голодных братьев.

Зрелище это особенно поразительно тем, что доведены люди до голода теми самыми людьми, которые возбудили это дело, предписали его и распоряжаются им. То, что крестьяне доведены до голода теми самыми людьми, которые вызвали и устроили посылку этого поезда для убийства и истязания, я основываю на следующих соображениях: 1) Крестьянское население со времени освобождения увеличилось везде на 75, а во многих

^{26*} Далее было: несчастный

местах на 100%. Количество земли, которым они владеют, и прежде далеко не достаточное для пропитания, осталось то же; окружающие их земли, с которых они собирают нужное пропитание, принадлежат помещикам, и крестьяне принуждены нанимать эти земли на условиях, предлагаемых помещиками. Помещики же, пользуясь своим положением, повысили цены на земли до такой степени, что, в продолжение 30 лет со времени освобождения, плата за земли возросла втрое, от 5 до 15 рублей и более; 2) для уплаты податей, насильственно взыскиваемых с них правительством, крестьяне принуждены добывать деньги и для того забавляться в работу к помещикам и заводчикам, и так как нужда заставляет их принимать те условия, которые им предлагают, плата за труд за те же 30 лет упала вдвое. Прежде обрабатывали землю за 8 рублей, теперь за 4 рубля десятину. Я привожу точные цифры из Тульской губернии. В других черноземных губерниях, т. е. таких, в которых земледелие составляет главный промысел, произошло приблизительно то же самое, хотя цифры возвышения цен на землю и упадка на работу могут быть иные. 3) Правительство с своей стороны, поддерживая стачку помещиков и препятствуя всеми силами просвещению народа, запрещая школы и книги и общение с людьми, могущими просветить его, насильственно спаивая его вином, т. е. не позволяя народу, где они того хотят, удалять из своих сел винную торговлю, посредством побоев и отнятия имущества отбирает от народа на подати еще и последние его средства. 4) Переселение на свободные земли, которые одни могли бы вывести крестьян из этого положения, или затрудняется или вовсе запрещается. И потому главные причины голода не во внешних, атмосферических условиях, а во внутренних: в увеличении цен за землю, в уменьшении платы за работу, в умышленном одурении и спаивании народа и насильственном отбирании от него денег на подати, в затруднении и запрещении переселений, вообще в постоянно усиливающемся и усиливающемся, под видом опеки его, стеснении и угнетении народа в пользу правящих классов.

И вот к этим-то, доведенным до голода людям ехали теперь те люди, которые довели их до этого положения, с тем, чтобы истязать и убивать их ^{27*}.

Повод, по которому они ехали, был следующий:

В одном из имений богачей Бобринских крестьяне вырастили на общем с помещиками выгоне лес (вырастили, т. е. оберегали во время его роста) и всегда пользовались им, и потому считали этот лес своим или по крайней мере общим; владелец же, присвоив себе этот лес, начал рубить его. Крестьяне подали жалобу.

Рук. № 30/321, лл. 1—3.

(5)

Совершается ужасное дело: едут люди с ружьями и розгами убивать и сечь тех затаившихся в труде таких же людей, как они, братьев, да еще таких, которые их же вырастили, выкормили и теперь содержат, одевают и кормят.

[Но удивительное дело — поступки этих людей не представляются таковыми, никто так не смотрит на это дело.]

Но большинство людей не видит ужаса этого дела. Розги еще, может быть, покажутся излишними для европейского судьи этого дела. Это специальная дикость русского правительства. Но самое дело не только не возмущает большинство людей и русских, и английских, и германских, и французских, и американских. Но возмущает такая постановка дела,

^{27*} *Против слов:* Зрелище это особенно поразительно ~ убивать их *рукою Толстого карандашом помечено: Пр<опустить>.*

при которой приведение в исполнение *закона* представляется чем-то жестоким и не гуманным.

Разве не то же самое, не переставая, совершается — и все чаще и чаще — во всей Европе и в Америке. Разве не то же самое совершается при всех смертных казнях за воровство, за убийство, за политические преступления. Не то же самое совершается над всеми заточенными, каторжными, сосланными; не то же совершается над выгоняемыми из своих домов фермерами, над не хотящими отравляться опиумом и вином китайцами, индейцами, африканцами? Не то же производится по всему миру и все чаще и чаще над рабочими-стачечниками? И главное, не то же ли самое производится <во> всех государствах над собираемыми податями, приготовлениями к военным убийствам и над забираемыми солдатами?

Не одни участники этого поезда не видят того ужаса, который совершается насилием, но этого не видят все те, которые где бы то ни было и в каких бы то ни б<ыло> формах совершают его или пользуются им.

Рук. № 31/337, л. 48.

<6>

Они шутят, разговаривают, курят, отряхивают насыпавшиеся на грудь мундира крошки; ходят, подрагивая на каждой ноге; но все это они делают по привычке и стараюсь подбодрить самих себя.

Но они все страдают. У всех в глазах есть что-то или тревожное^{28*} или напускное, развязное (я говорю про чиновников и офицеров) и равнодушное. И проезжавшая добродушная либеральная дама, увидавшая этих господ и начавшая по этому случаю ругать порядки нашего времени и срамить людей, участвующих в них, смутила всех. Все ее сторонились и делали вид, что не слышат ее слов, которые были очень слышны.

Рук. № 30/302, л. 4.

<7>

Стоит только поговорить с ними, со всеми участниками этого дела, от помещика до последнего городского и солдата, чтобы увидеть, что все они в глубине души знают, что это дело дурное и что лучше бы было не участвовать в нем, и страдают от этого.

В том-то и особенность переживаемого нами времени, что насилующие должны так же, как и прежде (и даже чаще, потому что насилуемые уже понимают теперь всю жестокость и несправедливость того положения, в котором находятся), употреблять против насилуемых все одни и те же средства насилия (новых не выдумано), побои и убийства, а между тем значение этого насилия, цель его становится все яснее и яснее, и люди, долженствующие совершать насилие, все более и более должны бы чувствовать постыдность таких дел.

Хорошо было не только за тысячи и сотни лет, но даже 50 лет тому назад богатым землевладельцам, заводчикам, купцам, государственным чиновникам требовать употребления насилия против рабочего народа, когда народ этот считался диким зверем, который нужно было укрощать для общего блага, когда насилующие да и сами насилуемые не видали связи этого насилия с выгодами насилующих, и когда жестокости истязаний и убийств были в обычаях и нравах людей. Но теперь, когда народ уже нельзя считать диким и опасным зверем, которого можно укрощать только жестокостями, когда не только литература и общественное мнение,

^{28*} Первоначально: мрач<ое>

но сама жизнь в постоянно происходящей во всем христианском мире сознательной борьбе между богатыми — не рабочими и бедными — рабочими показывает и когда нравы настолько смягчились, что истязание и убийство животных вызывает уже противодействие всего общества, не могут уже насилующие с спокойной совестью требовать насилия; не могут с спокойной совестью люди нашего века и настроения распоряжаться истязаниями и убийствами. И еще менее могут люди сами, как это должны делать солдаты, сами своими руками с спокойной совестью совершать истязания и убийства над своими отцами и братьями.

Не могут люди нашего времени, возбуждая такие дела, и совершая их, и участвуя в них, и даже видя их, слыша про них, не испытывать нравственного страдания.

Не может тот помещик, который получит свои три тысячи рублей после того, как для приобретения этих трех тысяч убьют или подвергнут истязанию несколько человек, не видеть того, что эти деньги приобретаются убийствами или истязаниями, и не может он не страдать от этого. И не могут те чиновники и офицеры, которые едут истязать и убивать крестьян, не видеть того, что они получают жалованье за то, чтобы по воле начальства истязать и убивать людей, и не могут они не страдать от этого сознания.

Не могут не страдать и все те судьи и чиновники, и министры, и государь, зная, что они покупают свое спокойствие истязаниями и убийством. Они и страдают, хотя всеми силами стараются скрыть это от себя и других.

Страдает помещик, который затеял все дело: в то же утро, как приходил поезд в его имение, он поспешно уехал, чтобы не присутствовать при том деле, в котором он в самой глубине души считает себя виноватым. Страдает и тот судья, который решил дело против крестьян, и все те судьи высших инстанций, которые, сваливая его с себя на других, пропустили его в том же виде. Они, чувствуя свою вину, при всяком случае старательно доказывают законность своего решения и неизбежность его.

Страдает прокурор, который должен бы был ехать, но, рискуя даже неисполнением своей обязанности, не поехал на это возмущающее его дело. Страдают и министр и царь, которые распорядились приведением решения суда в исполнение войсками, когда что-нибудь напоминает им об их участии в нем.

И тем более страдают теперь все едущие в этом поезде при мысли и напоминании о том, что предстоит им. Страдают даже и зрители, не участники этого дела... ^{29*}

Рук. № 30/321, лл. 24—27.

⟨8⟩

Губернатор ^{30*} знает, что дело орловского губернатора вызвало негодование лучших людей общества, и сам он уже выражал неодобрение ему; знает, что прокурор, который должен был ехать, прямо отказался от участия в деле, потому что считает это дело постыдным; знает губернатор и то, что и в правительстве нынче-завтра могут произойти перемены совсем в другую сторону и что есть пресса, если не русская, то заграничная, которая может описать это дело и навеки осрамить его; и он дорого бы дал, чтобы как-нибудь выпутаться из того положения, в которое он попал, и не знает, как это сделать.

^{29*} Против слов: В том-то и особенность переживаемого нами времени ~ этого дела рукою Толстого карандашом помечено: Пр<опустить>).

^{30*} Тульский губернатор Н. А. Зинovieв. — Н. Г.

Он испытывает то же, что испытывает загипнотизированный человек, приближаясь к месту и времени предписанного ему противного его со- вести деяния.

Рук. № 31/332, л. 44.

<9>

Ведь здесь дело идет не о приличии, не о воображаемой чести, не о тряпке, которую называют знаменем, и не о кусочке хлеба, на котором что-то напектали, но о самом ужасном и очевидном преступлении, которое только может быть совершено человеком, о надругательстве над всем, что только может быть святым для людей: об истязании и убийстве не только невинных людей, но своих кормильцев.

Неужели они не считают этого дурным? Не могут же они не считать этого дурным, потому что, как они ни храбрись ^{31*}, не может уже в наше время живой человек не считать не только дурным, но ужасным, возмущающим все существо человека, постыдным делом сечение стариков и стрельяние из ружей по толпе людей и участие в этом деле. Ведь все эти люди — чиновники и офицеры — живут жизнью нашего времени, все так или иначе исповедуют известные правила гуманности или христианства, выставляют их, руководятся ими в оценке чужих и своих поступков. Как же это соединить с сечением и убийством стариков, голодных людей? Ведь если можно это делать, то надо оставить все речи о гуманности и христианстве, а, оставив эти речи, нечем будет руководиться в жизни, ни о чем судить нельзя будет. Ведь большинство из этих солдат крестьянские ребята, которые большею частью боятся убить курицу и всех мужиков, смотря по годам, называют дядей или дедом. Как же они будут сечь дядей или дедов?

Если и есть среди всех этих людей такие ^{32*} одичалые, как те несчастные Баранов и Неклюдов, которые хотели отличиться своим палачеством, то уже и на этих несчастных ^{33*} есть бич общественного мнения, которое ^{34*}, вместо отличия, которого они добивались, кладет на них неизгладимое пятно хуже старинного клейма каторжных.

Не могут в наше время люди делать таких дел спокойно, не могут и готовиться к ним спокойно. Так что же такое значит то необыкновенное спокойствие всех этих людей за два часа до совершения преступления, на которое они идут? Человек идет красть у богатого купца лошадь или корову и то дрожит и боится ^{35*}, а эти едут сечь и убивать невинных и, как ни в чем не бывало, разговаривают, шутят, курят, допивают кофе, отряхивают крошки, упавшие на грудь, ходят неторопливо, подрагивая на каждой ноге.

Рук. № 31/337, л. 21.

<10>

Когда было окончено истязание 12 человек, канаву запрудили, и священные права собственности были восстановлены, мельница замолоча, и помещик стал опять получать тот доход, который он получал прежде, и мог купить новое платье жене, нанять репетитора к сыну, подписаться

^{31*} Далее было: как тот несчастный, который кричал: Скамейку — и присутствовал при истязании стариков

^{32*} Далее было: не чутки(е) люди, такие

^{33*} Далее было: не чутких людей уже

^{34*} Далее было: уж казнят их и навеки

^{35*} Далее было: и старается

на новый журнал и получить эстетическое наслаждение слушанием пения такой-то дивы и игры такой-то актрисы.

Ведь кажется несомненно ясно и не требует особенных доказательств то, что те деньги, которые получаются за мельницу^{36*}, выручены истязанием, осквернением людей и что без этого не было бы денег.

Точно также ясно, что те деньги, которые получит помещик, те 3 т<ысячи> р<ублей> за лес, которые едет защищать тульский губернатор с войсками, получаются тем же способом, если же не тем, то угрозой такого же способа.

Но не менее ясно и то, что все те деньги, которые получает этот помещик, да и всякий другой помещик не в одной России, но во всем мире, получаются тем же способом, употребленным только прежде, когда из-за обладания землею происходили между единичным владельцем и бедным народом такие же столкновения, какие произошли теперь за спорные вопросы выращенного на выгоне леса, поднятой воды в мельнице.

То, что произошло теперь из-за леса и мельницы, происходило уже много и много раз прежде, давно и^{37*} ограбление многих для одного вошло в привычку, в обычай, и ограбленные уж перестали противиться, но основы владения те же. И деньги, большие деньги, большие преимущества богатых над бедными, которыми пользуются богатые люди, не могут произойти ни от чего другого, как от розог, тюрем, каторг, убийств, и ничем иным не могут быть поддерживаемы, как мы ни стараемся это скрывать от самих себя, если мы не хотим прямо лгать, мы не можем не признаться, глядя на такие явления как орловское дело и этот поезд, с которым я съехался, что все наши радости, роскоши покупаются на деньги, получаются нами только через розги, тюрьмы, убийства.

Каждая ложа в театре, каждая бутылка шампанского, каждая роскошная книга, — это столько-то розог, столько-то дней тюрьмы, столько-то крови, столько-то стонов и слез. И утешаться нельзя^{38*} и тем, которые не имеют прямого отношения к лесу, к мельнице, к земле, к фабрике, как утешаются те, которые занимаются различными профессиями среди землевладельцев, фабрикантов, банкиров, правительств, от них получая вознаграждения. В этом вознаграждении те же розги, те же слезы, та же кровь^{39*}. Если бы деньги [эти] приобретались не путем розог, тюрем, слез и крови, их бы не давали так щедро, — и не было бы возможности существования этими профессиями.

Так, вот 9 сентября я съехался на станции Узловой с тем поездом, который вез солдат с ружьями и розгами для утверждения колеблющегося священного права собственности молодого богача, имеющего 200 т<ысяч> дохода, и для того, чтобы не упустить 3 т<ысяч>, которые он проживет в неделю, не только допустившего, но вызвавшего весь этот страшный отряд нового Чингисханского полчища.

Рук. № 31/338, лл. 41—42.

<11>

Жертва уже давно кричит и зовет на помощь. Отговариваться же тем, что мы не знали, что людям, гибнущим на фабриках, в доках, умирающим от голода и расстреливаемым, и вешаемым, и запираемым в тюрьму для нашего спокойствия, — больно, — уж казалось бы никак нельзя.

^{36*} В автографе описка: мельницы

^{37*} Далее было: привычка захвата, отнятие у многих

^{38*} Далее было: никому придумывая себе опр<адания>

^{39*} Далее было: в тех деньгах, которые получают эти люди

А между тем, посмотрите на спокойную самоуверенность, с которой и по городам и по деревням распускается среди гибнущей нищеты безжалостная роскошь; на парки с оленями среди детей и старых без молока; на рысаков и скакунов среди издыхающих кляч, работающих хлеб; посмотрите и на самоуверенность людей, гуляющих в этих парках, едущих на этих лошадях ^{40*} и спокойно рассуждающих о средствах помощи этой нищете без страха того, что первое дитя скажет им, что средство одно: перестать самим пожирать их; посмотрите на смелость, с которой они требуют удаления, регулирования, обезвреживания этой нищеты. Но мало того, ложь дошла до того, что люди эти одной рукой ограбляют на тысячи, благотворительствуют рублями и умиляются перед добродетелью друг друга.

Мало и этого, люди, называющие себя самыми истинными последователями Христа, нарядившись в золото и бархат, тратя на себя тысячи среди нищих, проповедуют любовь и на все лады переворачивают 13 <главу послания> Коринфянам... ^{41*}

Рук. № 30/310, л. 37.

<12>

Главное ж не могли бы делать этого с спокойной совестью люди, стоящие на двух крайних пределах государственного устройства: императоры, короли, президенты, первые министры, которым никто не приказывает, и солдаты, полицейские, которые сами исполняют все те жестокие дела, которые только предписывают начальствующие.

Как ни старался бы себя уверить император, президент, что он подписывает смертный приговор или отказывает в помиловании (что одно и то же), потому что он вынужден к этому требованиями людей, окружающих его, он не может не видеть, что его слово или отказ в этом слове, черта пера были причиной смерти, убийства человека. И как ни старается солдат, стреляющий в толпу крестьян, уверить себя, что не он делает это, а делает это начальство, приказывающее это, он не может не чувствовать, что он мог не стрелять и что он убийца.

И потому не могли бы все эти люди, сцепленные в государственное устройство, делать того, что они делают, особенно люди, стоящие на двух пределах этого устройства — цари и солдаты, если бы у них не было еще другого средства, скрывающего от них их ответственность.

Рук. № 31/323, л. 16.

<13>

Точно также, кроме общих соображений, не считают себя виновными и судьи высших и низших инстанций, потому что они исполнили ^{42*} только одну часть дела, не имеющую ничего общего с истязаниями и убийствами: они к частному случаю приложили общий закон и то только в пределах своей компетенции, а не окончательно.

Еще менее считают себя виновными те, которые написали закон. Не считают себя ответственными и губернские власти, донесшие о неповиновении крестьян. Они только исполняли свою обязанность, сообщили, ничего не предвещая, высшей власти о том, что совершается в вверенной их наблюдению области.

^{40*} Далее было: владеющих тысячами десятин среди голодных

^{41*} Далее текст обрывается. — Н. Г.

^{42*} Далее было: закон

Не считает себя ответственным и министр, представивший доклад государю. Он не считает себя ответственным, потому что он, получив донесение о неповиновении крестьян, он по ^{43*} законам, по преданиям, по обязанностям своей службы и то не один, а в совете не мог составить иного доклада, как тот, который он представил государю. Государь же, дав согласие на докладе министра, не может считать себя ответственным, потому что ^{44*} он, ничего не беря на себя, как и во всех таких случаях, предоставляет дело законному течению, т. е. тому, как это само собой делается при наименьшем личном вмешательстве.

Точно так же, хотя и испытывая некоторую неловкость, вследствие необходимости личного употребления насилия, все-таки не чувствуют себя ответственными в этом деле губернатор и все губернские власти, едущие в этом поезде. Дело это возбуждено и произведено не ими: они чувствуют себя только промежуточной инстанцией, в положении людей, которые принуждены исполнять неприятное дело. И они не только не чувствуют себя виноватыми, но скорее чувствуют себя в положении отчасти трагическом, отчасти в таком, что они, участвуя в этом деле, не только не делают дурное, но скорее доброе дело именно тем, что они своим искусным ведением дела могут уменьшить истязания и убийства и даже совсем избежать их. — Еще меньше чувствуют себя виновными офицеры и солдаты, хотя испытывают еще большую неловкость при приближении к тому месту и времени, когда придется — особенно солдатам — своими руками убивать, бить, вязать. Эти люди ^{45*} воспитаны к тому, чтобы не ^{46*} считать себя ответственными ни за какие злодеяния, которые им придется совершить по приказанию свыше. Этим людям — особенно солдатам — это прямо внушено.

[В каждом таком деле, как отнятие собственности, истязание, заключение, убийство, т. е. казни, войны, есть два предела: высшая власть, от которой все исходит и от которой все ждут и требуют решения, и низшая власть — полицейский, солдат, который в иерархическом порядке подчинен всем высшим властям и который должен исполнять все на деле. И ни один не ответствен более другого.]

Власть предписывающая и власть исполняющая, лежащие на двух пределах государственного устройства, кажутся чрезвычайно отдаленными друг от друга, а между тем ^{47*} они сходятся как два кольца, соединенные в кольцо, и одна обуславливает и поддерживает другую, и одна немыслима без другой.

Рук. № 30/320, лл. 19—20.

<14>

Люди так запутаны и связаны и личным интересом, и обманом, и тем, что теперь называется гипнотизацией, которая производится над ними, что они не могут или по крайней мере им кажется, как тому петуху, который не встает с полу потому, что проведена мелом черта от его клюва, что они не могут не делать того, что они делают. Но то петух, который лежит и вероятно ничего особенного не испытывает. Здесь же люди,

^{43*} Далее было: всем

^{44*} Далее было: он получил донесение и дал только согласие на то, что он него требовалось и представлялось необходимым.

После этого зачеркнутого текста было написано, а потом зачеркнуто: ему внушено, что он совершенно особенное существо, помазанник, поставленный богом для управления 100-миллионным народом, и что потому решение, положенное им, будет внушено ему богом. Но даже не вполне доверяя и этому, государь считает себя неответственным.

^{45*} Далее было: так

^{46*} Далее было: думать о том

^{47*} В автографе описка: этими

живые, добрые, мягкие, воспитанные в христ<ианских> преданиях, люди едут с розгами и заряженными ружьями сечь и убивать голодных людей для того, чтобы отстоять мошенничество, совершенное над ними помещиком.

Не могут люди подходить к участию в таком деле спокойно. Все они, или по крайней мере большинство из них, знают, что им, через час может быть, придется делать ^{48*}.

Все они знают, что им придется делать то, что на днях было в Саратове, в Астрахани, на Юзовском заводе.

Они войдут в деревню, их встретит толпа народа, невежественная, запутанная, сбита с толка и возбужденная. Им прикажут стрелять. Они выстрелят по улице, попадают в крови люди — женщины, старики, дети, и раздается вой матерей и жен, и заберут тех, которых назовут зачинщиками, и посадят военных, которые будут притворяться, что они заботятся о<б> установлении справедливого возмездия, а потом поставят виселицу и в виду родных и односельцев торжественно задуют ^{49*} веревкой несколько невинных людей. Но если даже и этого не будет, то будет то, что на днях было в Орле ^{50*}...

Рук. № 31/338, л. 4.

<15>

Но я говорю только то, что людям надо перестать лгать, уверяя себя и других, что, живя жизнью, основанной на воровстве, грабеже, истязаниях, убийствах людей, могут считать себя справедливыми, нравственными, добродетельными; могут заботиться об устройстве доброй жизни; могут других учить справедливости и нравственности и показывать пример добродетели. Я не говорю, что людям всем надо сделаться добродетельными, но я говорю, что людям надо перестать лицемерить ^{51*}.

Говорят о лицемерии фарисеев. Но лицемерие людей нашего времени оставляет далеко за собой все то, что в этом отношении могли представить фарисеи. У тех ^{52*} был внешний закон ^{53*} и из-за исполнения которого они могли не видеть человеческих требований по отношению угнетенных братьев, да и требования эти не были высказаны; но в нашем мире нет такого божеского закона, который скрывал бы наши обязанности к угнетенным братьям; напротив, закон этот прямо указывает ^{54*} на эти требования и, кроме того, со всех сторон весь мир полон стонами угнетенных и разъяснениями причин этого угнетения и указаниями необходимости изменить положение вещей. И тут-то в таких условиях люди нашего времени: землевладельцы, купцы, заводчики, банкиры, цари, архиереи, генералы, офицеры, министры, судьи, всей своей жизнью отрицающую справедливость, всякое добро и всеми поступками своими проповедующую несправедливость, неравенство, угнетение, братоненавистничество и высказывая полное презрение ко всем законам божеским и человеческим, спокойным, уверенным тоном проповедуют справедливость, гуманность, христианство, братолюбие, милосердие, любовь.

Рук. № 31/334, л. 19.

^{48*} Текст: Люди так запутаны ~ делать обведен справа карандашом рукою Толстого и помечено: пр<опустить>.

^{49*} В автографе описка: задуться

^{50*} Далее текст обрывается. — Н. Г.

^{51*} Первоначально: притворяться, а быть тем, что они есть.

^{52*} Далее было: была хоть внешняя праведность

^{53*} Далее было: которому они следовали

^{54*} Первоначально: требует